Арийский миф и вопросы научной этики

Виктор Шнирельман

Как создается арийский миф, что он означает и в чем состоит ответственность ученых?

Народная археология и альтернативная история

Приход демократии в Россию и практически одновременное вступление в постиндустриальную эпоху вызвали к жизни новые взаимоотношения между наукой и обществом, что стало для ученых неожиданностью. Молчаливая масса, которая ранее лишь внимала голосу профессионалов, внезапно заговорила, и оказалось, что она имеет свои суждения по тем проблемам, которые специалисты ранее считали своей безусловной вотчиной. Всеобщая грамотность, открывшая людям доступ к научным текстам, создает иллюзии, что чтение равнозначно пониманию. Сегодня люди, далекие от науки, свободно находят научные тексты и даже тексты летописей в Интернете, отбирают оттуда нужную им информацию, по-своему ее интерпретируют и смело вступают в споры с учеными, нередко обвиняя их в «манипуляциях» или «сокрытии истины». Так создаются целые книги, формирующие корпус «альтернативной науки», конкурирующей со специалистами за внимание читателей. Это явление не обошло и археологию. До России докатилась волна «народной» или «культовой археологии», давно уже известной на Западе.

Четверть века назад научное сообщество в России было шокировано валом альтернативной истории, поднятым эпохой гласности, когда прежний цензурный контроль ушел в небытие и сфера написания истории испытала нашествие энтузиастов, стремившихся заполнить белые пятна или выступить со своими интерпретациями известных исторических коллизий. Тогда-то и возник вопрос о том, как ученым следует к этому относиться.

Одним специалистам все это казалось странным явлением, связанным с болезненными процессами переходного периода. Они полагали, что оно исчезнет столь же быстро, как и возникло. Однако оно не только не исчезло, но, напротив, наращивало силы, причем до такой степени, что сегодня легко выигрывает соперничество с научными изданиями за внимание читателей. Достаточно сказать, что книги по альтернативной истории обычно издаются тиражами 5 тыс. экз. и нередко переиздаются. Некоторые из их авторов отличаются завидной плодовитостью и сегодня известны читающей публике много лучше, чем историки-профессионалы, чьи труды в лучшем случае публикуются тиражом 1 тыс. экз., но нередко выходят в малотиражных изданиях. В итоге научные мандарины, считающие себя властителями дум, на самом деле незаметно для себя становятся маргиналами. Напротив, если поначалу создатели альтернативной истории, пусть и изредка, все же ссылались на некоторые научные публикации, то затем написанные профессионалами работы вовсе исчезли из их библиографических списков. Сегодня у них возникла своя собственная историография, и они вполне довольствуются трудами своих коллег по цеху.

Другие специалисты, возмущенные тем потрясением основ, который вносили энтузиасты, сочли своим долгом с гневом наброситься на них, обличая в «искажении фактов», «нечистоплотности», «манипуляциях», «дилетантизме» и т. д. Однако такие гневные тирады вызывают в противоположном лагере лишь злобу и желание в свою очередь обличить нападающих. Все это ведет к росту напряженности в сфере исторической науки и нисколько не способствует ее оздоровлению.

Третьи пытались отвечать «дилетантам» скрупулезным критическим разбором их произведений. Однако, тем самым, они фактически вводили тех в научное сообщество, поднимая их статус в их собственных глазах и в глазах читателей. Ведь те, чьи произведения, пусть и критически, рассматривались заслуженными учеными, испытывают чувство гордости за то, что какой-либо светило обратил на них внимание. И это лишь укрепляет их желание развивать свои идеи, полемизируя с учеными.

Четвертые отвечали едким сарказмом и иронией, пародируя новоиспеченных «историков». Но и это мало помогало, ибо лишь создавало тем дополнительную рекламу.

Альтернативная история как эзопов язык

Размышляя над этой проблемой, я избрал иной путь. Мне альтернативная история представляется важным культурным явлением, заслуживающим не столько критики или насмешек, сколько серьезного анализа, ибо она много говорит о состоянии нашего общества. В своих исследованиях я избегаю таких оценок как «дилетантизм», «невежество», «искажение истории» и т. д. Ведь, если речь идет о таком профессиональном археологе как Б. А. Рыбаков, таком профессиональном лингвисте как О. Н. Трубачев или таком профессиональном индологе как Н. Р. Гусева, можно ли ограничиваться оценкой их творчества как «дилетантизма» или следует детально разобраться в их мотивациях?

Вопрос о мотивах и стимулах создания альтернативной истории, на мой взгляд, принципиально важен, ибо позволяет осветить вопрос о социальной роли науки, на что мало кто у нас обращает внимание. Но мотивы написания альтернативных

произведений бывают разными. Для кого-то это выплеск накопившихся эмоций, для кого-то – удовлетворение собственного тщеславия, для кого-то – месть за не сложившуюся карьеру, для кого-то – просто коммерческий проект, для кого-то – хобби, а для кого-то – компенсация за то, что ощущается как национальная обида. Иной раз автором движут несколько мотивов одновременно.

В советское время популярным было представление о том, что история позволяет оценить настоящее и заглянуть в будущее. Но в ходе моих собственных исследований я пришел к прямо противоположному выводу о том, что особенности образа истории нередко диктуются отношением автора к переживаемой в данный момент исторической ситуации, собственным историческим опытом, а также желательным проектом будущего. Далеко не каждый готов откровенно обсуждать свое отношение к современным процессам, особенно если они видятся негативными и вызывают раздражение. В этом случае на помощь и приходит образ истории, где такие люди ищут понятные им аналогии, либо, что встречается в альтернативной истории много чаще, используют свои собственные наблюдения за окружающей действительностью для того, чтобы опрокинуть их в далекое прошлое, обнаружить там якобы аналогичные явления и подать их таким образом, чтобы направить протестные настроения или возмущение наших современников в нужное русло. Иными словами, историческая реконструкция становится неким эзоповым языком и помогает путем обращения к древности обсуждать наши современные проблемы. В этом смысле сегодня специалисты и говорят об инструментальном использовании образов прошлого.

Приемы альтернативных историков

Ясно, что такая процедура требует особых приемов, и они ярко представлены в поле альтернативной истории.

Во-первых, это смещение хронологии, помогающее нарисовать правдоподобную причинно-следственную связь между описываемыми явлениями;

во-вторых, выбор из имеющихся гипотез именно той, которая лучше доносит до читателя мысль автора, относящуюся к нашей современности, при полном замалчивании всех других имеющихся гипотез (даже если они лучше соответствуют имеющимся фактам);

в-третьих, тщательный отбор фактов (игнорирование одних и придание чрезмерной роли другим);

в-четвертых, подача древних событий таким образом, чтобы они максимально походили на те, которые по собственному опыту известны нашим современникам;

в-пятых, использование ключевых слов, позволяющих читателю с легкостью понять смысл послания, даже если оно не отличается желательной полнотой;

в-шестых, по мере возможности исключение научной полемики (если же это невозможно, то максимальное искажение мыслей, высказанных учеными, чтобы выставить их в неприглядном виде для доказательства своей правоты).

Кому нужна «арийская идея»

Все это отчетливо видно на примере использования «арийской идеи». Вызвав неожиданный интерес в постсоветском мире, «арийская идентичность», нашедшая применение в самых разных этнополитических контекстах, наполняется разными смыслами и оказывается многоликой. Она используется для консолидации нации и борьбы с трибализмом и религиозным расколом, для отстаивания нерушимости современных государственных границ, для доказательства возможности или необходимости расширения этих границ, для легитимизации «коренного статуса» группы на данной территории, для доказательства ее права на политический суверенитет, для наделения древних предков неувядающей славой, для борьбы с «европоцентризмом» и «неоколониализмом», для вербовки геополитических союзников, и, наконец, для поиска врага, с которым суждено вечно сражаться «арийцам». В данном случае образ врага очень важен, так как он с легкостью объясняет причины неудач и несчастий «арийцев».

Иными словами, «арийская идея» имеет высокий политический спрос. При этом эссенциализм, присущий этногенетическому подходу, ведет к расиализации «ариев» и возрождению расовой парадигмы. Вместе с тем, в ряде контекстов арийская идентичность нагружается шовинистическим содержанием и направлена либо против этнических меньшинств, либо против своих ближайших соседей и, тем самым, питает негативные эмоции.

Арийская идея будила воображение некоторых русских националистов, по меньшей мере, с начала 1970-х гг., когда они пытались найти в ней компенсацию своим негативным чувствам в отношении нерусских народов СССР. Сегодня на волне

охватившей всю Россию ксенофобии, направленной против мигрантов, арийская идея увлекает в особенности скинхедов, которые, объявляя себя «истинными арийцами», избивают и убивают приезжих нерусского происхождения (Шнирельман 2010, 2011a. Т. 2: 337-459). В последние двадцать – двадцать пять лет русские национал-патриоты активно популяризируют идею о «славяно-арийской цивилизации». Они с благодарностью ссылаются на современные научные индоевропейские исследования и отождествляют древних индоевропейцев с «арийцами» и «славянами». Для них это означает легитимизацию права русских владеть всей территорией Евразии, которая представляется этой концепцией истинной прародиной (Шнирельман 1998, 2015; Shnirelman 2007, 2014).

Вместе с тем, идея «славянского арийства» может пониматься по-разному и наделяться разными смыслами. Для некоторых ее адептов она призвана крепить союз между тюрками и славянами, которые объявляются родственниками, ибо корни тех и других уходят якобы в скифо-сакский мир. Но для других эта идея призвана улучшить положение русских на Украине, на Кавказе и в республиках Центральной Азии, превращая их в «коренное население». Поэтому миф о «скифских предках» не потерял для русских националистов своей привлекательности.

Все это касается не только русских и украинских радикалов, где «арийская идея» нередко связана с антисемитизмом, но и ряда других идеологов, использующих ее для раздувания этнофобий. Например, у армян и таджиков «арийская идея» направлена против соседей-тюрков, а у осетин – против ингушей, грузин и тюрков. Так, еще сравнительно недавно осетинский философ А. К. Хачиров прославлял арийские завоевательные набеги, а тюрков представлял «омерзительными сквозняками чудовищных разрушительных сил в облике разных завоевателей» (Хачиров 2002: 45, 63). Таджикский историк Н. Негматов шел еще дальше и противопоставлял якобы исконно оседлых индоевропейцев их соседям-кочевникам – тюркам, монголам, арабам, наделяя первых «мирно-созидательной духовностью», а вторых – «культом силы меча». В итоге первые выглядят строителями, а вторые – разрушителями и вечными недругами и гонителями индоевропейцев (Негматов 1997: 322-324).

Такой подход грешит очевидным этноцентризмом, и вовсе не удивительно, что ответом ему служит столь же односторонний пантюркизм. А некоторые армянские идеологи вспоминают и об «арийско-семитском противостоянии». Вот как это формулируют деятели дашнакского движения: «Как православие, так и шиизм были в значительной мере инициатической реакцией арийского народа (уже имеющего традицию в несовершенной форме зороастризма) на внешнее нашествие семитических философии и этики» (Мурадян, Манукян 1997: 151).

Культ Аркаима

Сегодня в контексте «арийской идеи» большую роль играют интерпретации поселения бронзового века Аркаим, открытого челябинскими археологами в 1980-х гг. Аркаим является наглядным примером того, как стремление местных археологов любыми способами разрекламировать свое открытие привело к волне шовинистических интерпретаций. Директор историко-археологического центра «Аркаим» Г. Б. Зданович уже много лет представляет общественности «страну городов» как пример обитания в согласии с природой и с другими людьми. Он настаивает на том, что местные жители никогда не воевали друг с другом. Однако это полностью противоречит наличию в местных поселениях мощных оборонительных стен, найденным предметам вооружения и использованию боевых колесниц, открытием которых так гордятся уральские археологи (Сам Зданович в своих научных публикациях признает фортификацию одной из важнейших особенностей памятников «страны городов» и пишет о «военной экспансии» как характерной особенности местной культуры на ее развитом этапе. См.: Зданович, Зданович 1995: 48-62; Зданович, Батанина 2003: 72-87). Гармонии с природой тоже не получается. Хотя энтузиасты и пытаются представить Аркаим «экологически чистым городом», выплавка мышьяковистой бронзы, осуществлявшаяся, по данным археологов, практически в каждом жилище, не позволяет в это поверить.

Пытаясь рекламировать Аркаим как «национальную идею России» и в то же время рисуя его местом, откуда пошла вся «индоевропейская цивилизация», Зданович настаивает на том, что «арии» объединяют людей. Но, говоря о единстве огромного «культурного пространства» от Украины до Китая, он рисует его индоевропейским, что якобы должно поддержать идею возрождения СССР. Однако при этом он не сообщает, как в эту «арийскую идею» вписываются те граждане России, предки которых к индоевропейцам не относились (Об общественно-политических взглядах Здановича см.: Валеев 2005; Фонотов 2006). Кроме того, в своих работах, включая и популярные, он ни разу не делал попыток отмежеваться от неонацистской интерпретации Аркаима как центра «цивилизации белой расы», призванной господствовать во всем мире. Сегодня Зданович доказывает, будто другие российские ученые завидуют его успехам. На самом же деле проблема в том, что за этим успехом лежат не столько научные достижения, сколько популистская пропаганда, сделавшая Аркаим культовым памятником у расистов и шовинистов (безудержная апологетика Аркаима в популярных изданиях, к которой причастны челябинские археологи, вызывает критику со стороны других российских археологов. См.: Кузьминых, Кореняко 2007: 173-191). В таком контексте культурно-просветительская деятельность центра «Аркаим» оказывается весьма двусмысленной (Шнирельман 2011б, 2014). Даже симпатизирующий Аркаиму писатель вынужден с досадой отметить излишнюю коммерциализацию древнего памятника, идущую во вред науке (Бриль 2005: 56).

Социальная роль науки и ответственность ученых

В этих условиях археологам следует хорошо сознавать общественное звучание не только самих своих открытий, но и формы пропаганды этих открытий. Им надлежит самим вести более активный диалог с обществом и простым языком объяснять цели и методы археологических исследований. Чтобы нейтрализовать роль фантазий на темы далекого прошлого, в изобилии встречающихся в современной популярной литературе, археологам надлежит самим терпеливо объяснять публике свои методы и идеи. При этом археолог должен чутко прислушиваться к общественной атмосфере, чтобы не стать невольным создателем и популяризатором мифов, способных служить развитию радикальных политических взглядов. Немалую роль могло бы сыграть вдумчивое изучение истории этногенетических концепций и их связи с социальным климатом разных исторических эпох. В особенности, речь идет о ряде опасных теорий, имевших одно время широкую популярность, к которым, прежде всего, относится расовый подход к развитию общества. Археологам надлежит оперативно реагировать на использование археологического знания в шовинистических и расистских целях. Сегодня, когда, выступая за «чистоту арийской расы», скинхеды убивают «чужаков», археолог не вправе писать об истории «ариев», не откликаясь на события современности и делая вид, что ничего не происходит.

Вот почему в выпущенных недавно книгах, написанных профессионалами и посвященных индоиранской проблеме, их авторы совершенно справедливо отмежевались от неонацистских интерпретаций «арийской проблемы», подчеркнув связь таких псевдонаучных взглядов с ксенофобией и шовинизмом (Anthony 2007: 9-11; Кузьмина 2008: 13). В противном случае занятия

«арийской проблемой» становятся безответственными. И вовсе не случайно знаменитый английский археолог Г. Чайлд, начавший свою карьеру выпуском книги об «арийцах», полностью отказался от этой тематики в начале 1930-х гг., когда опасность нацистского расизма стала более чем очевидной. Напротив, в 1933 г. он ввел в свой лекционный курс отдельную лекцию о расизме и об опасности расовой теории (Childe 1933: 410-418).

Следовательно, формулируя те или иные концепции или интерпретации далекого прошлого, археолог обязан не только всячески избегать этноцентризма, но и учитывать, как его построения будут восприняты широкой общественностью. Нельзя не заметить, что своей привлекательностью «арийская идея» в немалой степени обязана контрастному изображению древних иранских и тюркских кочевых обществ в научных публикациях. Ведь если «арийцы» представляются многими авторами в образе успешных покорителей обширных пространств, отважных завоевателей, основателей государств, создателей эффективных хозяйственных систем и образцов высокого искусства, то тюркским кочевникам нередко приписываются совершенно иные качества: в них видят варваров, якобы не имевших ничего, кроме примитивной культуры и отсталого образа жизни, не обладавших никакими собственными культурными достижениями и лишь разрушавших созданное другими. Именно таким образ тюрков-кочевников рисовался дореволюционным авторам, представлявшим экспансию царской России в Центральную Азию «цивилизаторской миссией» (О возникновении традиции уничижительного отношения к тюркским кочевникам в царской России см.: Laruelle 2005: 137-138). И именно так он нередко выглядел в научной и популярной советской литературе (Об этом с обидой пишут казахские авторы. См.: Ирмуханов 1996: 28; Акатай 1998: 44; Козыбаев 1999: 102-103; Абдакимов 2002: 140-141; Жанайдаров 2004: 41-42).

Между тем, специалистам хорошо известно, что и те, и другие кочевники вели сходный образ жизни и имели немало сходных культурных особенностей. В том числе, все они, с одной стороны, вели бесконечные войны и совершали опустошительные набеги как друг на друга, так и на оседлое население, а с другой, поддерживали широкие культурные контакты с оседлым населением, время от времени интегрировались с ним в единые социокультурные системы и в ряде случаев создавали ранние государства — кочевые империи. Однако то, что признается позитивным у одних, нередко представляется негативным у других. Все это требует от археологов воздерживаться от эмоциональных несбалансированных оценок анализируемых ими материалов. Мало того, большой осторожности требует и обращение с самим термином «арийцы/арии», смысл которого всегда следует разъяснять. Наконец, сегодня сама этика требует от археолога, работающего с рассматриваемыми здесь материалами, четко определять свою позицию по отношению к шовинистическим интерпретациям древнего прошлого. Только это может затруднить использование знаний о далеком прошлом для неблаговидных и опасных целей, которые преследуют политические радикалы.

И последнее. Специалистам хорошо известно, что на протяжении истории радикальные культурные, языковые и религиозные изменения происходили не только и даже не столько в результате массовых миграций и смены населения, сколько в процессе перехода местного населения к новым культурным и религиозным практикам и со сменой языка. Однако единственная преемственность, которая в этом случае нередко понимается как принцип автохтонизма, связана с биологическим наследием. Основанная на этом принципе теория этногенеза предполагает, что биологическое начало содержит в себе и некий «дух народа», остающийся неизменным независимо от культурных и языковых сдвигов. Тем самым, такая теория этногенеза открывает дорогу расовой теории. И именно это наблюдается сегодня во многих постсоветских научных традициях.

Литература:

Абдакимов А. 2002. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). Учебное пособие. Издание третье. Алматы: Казакстан.

Акатай С. 1998. Евразийство в контексте культурной общности // Имамбек Е. Б. (ред.). Культура Казахстана: традиции, реальность, поиски. Алматы: Республиканский научный центр проблем культуры.

Бриль Ю. Г. 2005. Открытие Аркаима. Екатеринбург: Уральское литературное агентство.

Валеев А. 2005. Аркаим после Путина // Челябинский рабочий, 27 августа 2005.

Жанайдаров О. (сост.) 2004. Иллюстрированная история Казахстана. Т. 1. Казахстан от эпохи палеолита до монгольского нашествия. Алматы: Казак энциклопедиясы.

Зданович Г. Б., Зданович Д. Г. 1995. Протогородская цивилизация «Страна городов» Южного Зауралья // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. V, Кн. 1. Челябинск: ЧелГУ.

Зданович Г. Б., Батанина И. М. 2003. Укрепленные центры эпохи средней бронзы в Южном Зауралье // Степная цивилизация Восточной Евразии. Т. 1. Древние эпохи. Астана.

Ирмуханов Б. Б. 1996. Казахстан: историко-публицистический взгляд. Алматы: Олке.

Козыбаев М. К. Л. 1999. Н. Гумилев и проблемы степной цивилизации // Кошанов А. К., Нысанбаев А. Н. (ред.). Идеи и реальность евразийства. Алматы: Дайк-Пресс.

Кузьмина Е. Е. 2008. Арии – путь на юг. М.: Летний сад.

Кузьминых С. В., Кореняко В. А. 2007. Наука и паранаука в современной отечественной археологии // Российская археология, № 2. С. 173-191.

Негматов Н. 1997. Таджикский феномен: история и теория. Душанбе: Оли Сомон.

Фонотов М. 2006. По закону и по правде // Челябинский рабочий, 4 октября 2006.

Хачирти А. К. 2002. Аланика – культурная традиция (историко-культурное исследование). Владикавказ: Иристон.

Шнирельман В. А. 1998. Второе пришествие арийского мифа // Восток, № 1. С. 89-107.

Шнирельман В. А. 2010. «Чистильщики московских улиц»: скинхеды, СМИ и общественное мнение. 2-е изд. М.: Academia.

Шнирельман В. А. 2011а. «Порог толерантности»: Идеология и практика нового расизма. В 2-х тт. М.: НЛО.

Шнирельман В. А. 2011б. Аркаим: археология, эзотерический туризм и национальная идея // Антропологический Форум, № 14: 133-167

Шнирельман В. А. 2014. Аркаим и Стоунхендж между прошлым и будущим // Этнографическое обозрение, № 5: 19-40.

Шнирельман В. А. 2015. Арийский миф в современном мире. В 2-х тт. М.: НЛО.

Anthony D. W. 2007. The horse, the wheel and language. Princeton: Princeton Univ. Press.

Childe V. G. 1933. Is prehistory practical? // Antiquity, Vol. 7, no. 28. P. 410-418.

Shnirelman V. A. 2007. Russian response: archaeology, Russian nationalism and Arctic homeland // Kohl Ph. L., Kozelsky M., and Ben-Yehuda N. (eds.). Selective remembrance: archaeology in the construction, commemoration, and consecration of national pasts. Chicago: Chicago University Press. P. 31-70.

Shnirelman V. A. 2014. Hyperborea: Arctic myth of the contemporary Russian radical nationalists // Journal of Ethnology and Folkloristics, vol. 8, no. 2: 121-138.

Исследование и публикация при финансовой поддержке РГНФ, грант №15-31-11109, проект «Этническое и религиозное многообразие – основа стабильности в развитии российского общества» (рук. В.А. Тишков)